

12+ Михаил Рубинов

Свободу директору!

Как малому бизнесу
подружиться с ИИ

Михаил Рубинов

Свободу директору!

Как малому бизнесу подружиться с ИИ

<https://litres.ru/74370149>

ISBN 9785007100762

Аннотация

Каждые несколько десятилетий появляется что-то, что даёт малому бизнесу силу, которая раньше была только у больших. Телефон. Интернет. Теперь — ИИ.

Эта книга о том, как обычный человек с обычным бизнесом обнаруживает инструмент, который меняет расклад — и постепенно перестаёт быть узким горлышком своего же дела. Не потому, что он умнее других. Просто потому, что решился попробовать.

Содержание

Глава 1. Пробки	5
Глава 2. Блин, забыл	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Свободу директору! Как малому бизнесу подружиться с ИИ

Михаил Рубинов

© Михаил Рубинов, 2026

ISBN 978-5-0071-0076-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пробки

У меня есть странный талант: я умею одновременно быть директором, диспетчером, психологом, калькулятором, пожарным и виноватым. Особенно виноватым.

Меня зовут Сергей, мне тридцать девять, у меня агентство ремонта квартир под ключ в городе, который достаточно большой, чтобы стоять в пробках, и недостаточно большой, чтобы ты мог где-то накосячить и про тебя не узнали через два дня.

Двенадцать лет назад я сам таскал мешки, мешал клей и радовался, если клиент просто платил вовремя. Сейчас у меня вроде как компания: два менеджера, три мастера и бухгалтер на полставки. Формально я директор. Фактически — самое узкое место в собственном бизнесе.

Все важные звонки идут через меня. Все сметы — через меня. Все скидки, замеры, спорные моменты, нервные клиенты, обиженные клиенты, клиенты, которые ещё не успели стать обиженными, но уверенно движутся в эту сторону, — тоже через меня.

Иногда мне кажется, что я не бизнес построил, а аккурат-

но, с любовью собрал себе собственную пробку. И теперь каждый день в ней стою. Первый. На аварийке.

Утро началось с того, что я ещё не открыл глаза, а уже кому-то был нужен.

Телефон лежал экраном вниз, но вибрация у него такая, будто он знает: если разбудить меня по-хорошему, я не встану. Сначала два сообщения, потом звонок, потом снова два сообщения. Я нащупал его рукой, посмотрел одним глазом и сразу понял: день будет из разряда «да вы издеваетесь».

Первой была Лена.

Лена у меня администратор и менеджер по продажам, двадцать восемь лет, работает третий год. Умная, быстрая, ответственная — и из тех людей, которые любую задачу берут на себя с таким лицом, будто лично обещали клиенту счастье. Иногда это отлично. Иногда из-за этого у неё вид человека, который сейчас извинится даже за плохую погоду.

Сообщение было в её стиле — вежливое и уже с тревогой:

— Сергей Александрович, доброе утро. Пархоменко просит смету с печатью. И по Новаторов надо уточнить срок.

Следом Артём.

Артём — второй менеджер, тридцать один, полтора года назад пришёл из IT-продаж. Он вообще отдельная порода людей: не суется, не драматизирует, не бежит с глазами «всё пропало». Просто делает. Меня это в нём иногда раздражает просто самим фактом существования.

— Доброе. По двум лидам нужен ваш ок по скидке.

Потом Василич.

Василич — старший мастер, пятьдесят три года, со мной с самого начала. Ещё с тех времён, когда у меня вместо офиса был багажник машины и святая уверенность, что главное — хорошо работать, а остальное как-нибудь само приложится. Не приложилось.

Сообщение от Василича было короткое:

— Серёг, у нас вопрос по санузлу. Позвони.

И ещё поставщик.

И ещё незнакомый номер.

И ещё клиент, который написал в семь утра: «Когда удобно созвониться?» — как будто бывают люди, которым в семь утра вообще удобно.

Я посмотрел на время. 7:12.

— Конечно, — сказал я потолку. — А можно я сначала стану человеком, а потом уже директором?

Рядом заворочалась Катя.

Катя — моя жена. Ей тридцать семь, она работает в HR и поэтому людей видит лучше, чем мне хотелось бы. Особенно меня. Она не устраивает скандалы, не хлопает дверьми и не говорит фразами из сериалов. У неё хуже: она говорит фактами.

— Ты уже с телефоном ругаешься? — спросила она, не открывая глаз.

— Не ругаюсь. Веду переговоры.

— С кем?

— С жизнью.

— И что она?

— Хочет печать, скидку и, возможно, мой скальп.

Катя открыла глаза, посмотрела на меня и сразу всё поняла. Это, кстати, ещё одна неприятная особенность людей из HR: им не надо ничего объяснять, они по лицу уже прочитали три стадии выгорания и составили внутренний отчёт.

— Ты опять лёг после часа?

— Не после часа. В час десять. Это разные вещи.

— Сергей.

— Что?

— Это не шутка.

— А я и не шучу. Я уточняю хронологию.

Она села на кровати и посмотрела на меня так, как смотрят на человека, которого любишь, но который явно начал путать привычку мучиться с ответственностью.

— Ты вчера уснул с телефоном в руке.

— Неправда. Я просто лежал и думал.

— С открытым ртом.

— Это поза размышления.

— Серёж, ты давно нормально не ужинал дома.

Я хотел ответить что-нибудь бодрое, мужское, директорское. Что сезон. Что объектов много. Что сейчас такой период. Что в бизнесе иначе не бывает. Но все эти фразы уже даже у меня самого вызывали ощущение дешёвой штукатурки: пока не трогаешь — вроде ровно, ногтем ковырнёшь — всё сыпется.

Поэтому я сказал честно:

— Да знаю я.

Катя кивнула.

— Ты только не «знай». Ты что-нибудь с этим сделай.

Очень полезный совет, спасибо. Никогда бы сам не догадался.

Но вслух я сказал:

— Сделаю.

Хотя понятия не имел что.

Сделаю.

Это вообще главное слово взрослого мужчины. Универсальное. Им можно закрыть любой разговор, кроме разговора с самим собой. Самому себе не объяснишь, почему третий месяц подряд обещаешь «разобраться», а по факту просто быстрее печатаешь в мессенджере.

Через сорок минут я уже стоял в подъезде нового дома, пахнущего штукатуркой, лифтовой смазкой и чужими ипотеками. На четвёртом этаже у нас шёл ремонт санузла и части кухни. Я ещё на лестнице отвечал Лене голосовым:

— Да, Пархоменко скинь до десяти... Нет, скидку по этим двум без меня не обещаем... Да, по Новаторов я посмотрю... Нет, не после обеда, а раньше...

Захожу — Василич стоит и смотрит на меня.

Вообще Василич умеет молчать так, будто это уже комментарий. Стоит, щурится, руки в карманах, и у тебя ощущение, что ты сейчас сам добровольно в чём-то сознаешься.

— Ну? — говорю.

— С добрым утром.

— И тебе.

— Ты директор или корректор?

— Не начинай.

— А я и не начинал. Это я уточняю должность.

— Василич, у нас вопрос был по санузлу.

— Был. Пока ты сообщением на сообщение отвечал, я его решил.

— Тогда отлично.

— Отлично. А ты всё ещё в телефоне.

Я посмотрел на него, потом на телефон, потом снова на

него.

— Иди плитку клади.

— Уже положил.

Я помолчал.

— Что решил?

— По коробу дал два варианта. Клиентка выбрала правый.

— Мне бы сказать не помешало.

— Зачем? Там вопрос был на три минуты.

— Затем, что потом, если ей не понравится, она скажет:
«А Сергей в курсе был?»

— А ты был?

Вот в этом весь Василич. Говорит мало, но так, что потом полдня ходишь и злишься не на него, а на то, что он прав.

Я прошёл по квартире. Плитка стояла ровно. Короб выглядел нормально. Даже хорошо. Мастера возились в комна-

те, кто-то резал профиль, радио тихо сипело чем-то из девяностых. Всё шло. Без меня.

И вот это, если честно, раздражает не меньше, чем когда без меня не идёт.

Потому что тогда возникает неприятный вопрос: а где именно я нужен по-настоящему, а где просто привык стоять поперёк процесса с умным лицом?

Телефон опять завибрировал.

Лена.

— Да, — сказал я.

— Сергей Александрович, клиент по Пархоменко спрашивает, сегодня отправим?

— Отправим.

— И по Новаторов они хотят созвон до двенадцати.

— Пусть ставят на одиннадцать тридцать.

— Хорошо.

— Артёму скажи: по скидкам жду цифры, а не трагедию.

Она тихо засмеялась.

— Передам.

Я сбросил звонок.

Василич всё это время стоял рядом, как памятник народному реализму.

— Что? — спросил я.

— Ничего. Смотрю.

— На что?

— Как директор работает.

— И как?

— Шумно.

— Спасибо, очень поддержал.

— Я не поддерживаю. Я констатирую.

Хорошо сказано. Вообще почти все самые неприятные вещи в моей жизни звучат как спокойная констатация.

Я ещё постоял на объекте, проверяя какие-то мелочи, которые без меня, скорее всего, и так бы пережили утро. Потом поехал в офис. По дороге ответил на пять звонков, два из которых были не нужны, один был лишний, а ещё один я, по-честному, уже даже не помнил, о чём.

В офисе Лена сидела за столом с таким лицом, будто она одновременно принимает, успокаивает и провожает в новую жизнь половину города. Это у неё талант. Клиенты её любят. Иногда слишком быстро. Иногда настолько, что потом звонят ей в девять вечера «просто уточнить один маленький момент» и заодно рассказать историю про брата, который тоже делал ремонт и теперь не верит людям.

— Доброе утро ещё раз, — сказала Лена.

— Уже не утро.

— Для меня ещё утро. Я кофе только второй пью.

— Это потому, что ты ещё молода и веришь в будущее.

Она улыбнулась.

— А вы нет?

— Я верю в аванс.

С соседнего стола поднял глаза Артём.

У Артёма даже рабочее место было какое-то раздражающе спокойное. Ничего лишнего, всё по папкам, кружка на одном и том же месте, ни одного листа, который кричит: «Я случайно здесь уже третью неделю». Я когда на его стол смотрю, мне кажется, что он не работает, а управляет погодой.

— Сергей Александрович, по скидкам я скинул в чат, — сказал он.

— Видел. Первый сколько даёт по бюджету?

— Впритык.

— Значит, не впритык, а нормально. Если человек всегда пишет «у нас ограниченный бюджет», это не бюджет ограниченный. Это фантазия без границ.

Лена фыркнула в монитор.

— Смешно? — спросил я.

— Очень жизненно.

— Вот. Запиши куда-нибудь как корпоративную мудрость.

Я пошёл к себе, но через стекло видел их обоих — Лену, которая всё время живёт чуть вперёд себя, и Артёма, который как будто никогда никуда не опаздывает даже внутренне. Иногда я смотрел на них и думал: если бы мне дали нормального руководителя вместо меня, возможно, и эти двое работали бы проще. Но жизнь, к сожалению, не выдаёт тебе второго тебя — более свежего и лучше организованного.

К обеду я поехал встречаться с Димоном.

Димон держит небольшую компанию по натяжным потолкам, ему сорок четыре, познакомились мы лет пять назад на какой-то выставке. С тех пор иногда обедаем вместе. Это называется «встретиться поесть», хотя по факту это ритуал двух мужиков среднего возраста: один жалуется, второй делает вид, что тоже держится из последних сил, потом меняются.

Кафе было обычное, возле стройрынка. Там всегда пахло супом, жареным луком и разговорами про клиентов, которых лучше бы не было.

Димон уже сидел за столом, ел солянку и смотрел в телефон с таким спокойствием, будто в его бизнесе вообще никто никогда не косячит.

— Живой? — спросил он.

— Пока да.

— Вид усталый.

— Это у меня рабочее лицо.

— Тогда у тебя отпускное какое? В гробу?

— Спасибо, друг.

Я сел, отложил телефон экраном вниз.

Через пять секунд перевернул обратно.

Димон это заметил, но ничего не сказал. Он вообще не

лезет в душу напрямую. Просто сидит рядом, и на фоне его спокойствия ты сам начинаешь звучать громче, чем хотел.

— Чё у тебя? — спросил он.

— Да всё как всегда. Один клиент срочный, второй нервный, третий молчит — а это, как известно, самый опасный тип. На объекте, оказывается, без меня умеют думать, что особенно обидно. Лена ловит всех в чате. Артём хочет скидки согласовать. Поставщик просит оплату. Катя считает, что я скоро переселюсь в телефон.

— Правильно считает.

— И ты туда же.

— А куда мне деваться.

Подошла официантка, я заказал борщ и котлеты, хотя есть особенно не хотел. Это, кстати, тоже возрастная штука: ты приходишь поесть не потому, что голоден, а потому, что у организма уже профсоюз.

Димон отложил ложку.

— Я сметы уже сам не проверяю. Скучно.

Я сначала даже не понял, к чему это.

— В смысле?

— В прямом.

— А кто проверяет?

Он пожал плечами.

— Ну, не человек.

И всё.

Взял хлеб, отломил кусок и как будто уже мысленно ушёл в другую тему. В этом весь Димон. Не евангелист, не учитель, не человек, который сейчас разложит тебе по полочкам, как именно он там что делает. Просто бросает фразу между делом — и живи потом с ней сам.

Я моргнул.

— Подожди. В смысле — не человек?

— Ну да.

— Это что вообще было?

— Ничего. Я просто сказал.

— Очень информативно.

— Да не за что.

— Димон, ты можешь нормально объяснить?

— Могу. Но не сейчас. Ты всё равно не услышишь.

— Это ещё почему?

Он кивнул на мой телефон, который как раз опять засветился.

— Потому что ты сейчас не человек. Ты сейчас пересылатор.

Я невольно усмехнулся.

— Пошёл ты.

— Вот. Уже живее.

И он действительно перевёл разговор на другое. На какого-то клиента, который хотел потолок «как в Дубае, но бюджетно». На рекламу, которая ведёт к лидам, а в депрессию. На бензин. На аренду. На погоду. На что угодно, кроме этого странного «не человек», которое он бросил так буднично, будто речь шла о новом шуруповёрте.

Я пару раз хотел вернуться к теме, но каждый раз что-то отвлекало. То звонок, то официантка, то мой собственный внутренний голос, который говорил: *не начинай, у тебя и так дел выше головы*.

А ещё было чувство, что если я сейчас начну расспрашивать, то услышу что-то из серии «я там какой-то новый сервис подключил». А у меня на такие вещи аллергия. Не на сам прогресс — на обещания вокруг него.

Я не против прогресса. Я против того, чтобы тратить вечер на настройку того, что должно работать само.

Поэтому я просто доел котлеты и уехал.

Во второй половине дня всё пошло чуть хуже, чем плохо, то есть по расписанию.

Один клиент хотел перенести замер на воскресенье, потому что «в будни мы работаем». Хотелось ответить: *а я, по-вашему, в санатории?* Но я, к сожалению, умею разговаривать с людьми нормально. Это мой дар и моё наказание.

Потом позвонил мужчина по кухне и двадцать минут рассказывал, что предыдущая бригада его обманула, поэтому теперь ему нужен «честный человек». Когда клиент произносит словосочетание «честный человек» с интонацией следователя, это значит две вещи: во-первых, до тебя ему уже врал; во-вторых, аванс он будет отдавать как почку.

Потом Лена зашла ко мне с блокнотом.

— Сергей Александрович, по Пархоменко отправили. По Новаторов созвон на завтра. И ещё по Смирновым они просят, чтобы вы лично с ними поговорили.

— А ты уже говорила?

— Говорила.

— И что?

— Они сказали: «Нам бы с самим Сергеем Александровичем».

— Обожаю это «с самим». Как будто я не человек, а редкая икона, которую выносят по большим праздникам.

Лена улыбнулась.

— Вам же нравится.

— Мне нравится, когда платят без лишней поэзии.

Она кивнула, но уходить не спешила.

— Что ещё? — спросил я.

— Ничего. Просто вы сегодня злой.

— Я не злой. Я равномерно уставший.

— Это почти одно и то же.

Вот за это, кстати, я Лену и ценю. Она может испугаться, может переживать, может защищать клиента, но если видит, что я уже начал разговаривать как сорванный чайник, скажет честно.

— Ладно, — сказал я. — Извини.

— Да ничего. Я просто предупреждаю как сотрудник клиентского сервиса.

— Спасибо. Очень успокаивает.

Когда она вышла, почти сразу зашёл Артём.

— По тем двум один согласен на три процента, второй думает.

— Пусть думает. Иногда клиенту полезно немного побыть наедине со своей жадностью.

— Принял.

Он уже развернулся к двери, но я спросил:

— Артём.

— Да?

— У тебя бывает ощущение, что ты весь день что-то делаешь, а к вечеру не понимаешь что именно?

Он задумался буквально на секунду.

— Бывает. Когда много мелких задач.

— И что с этим делать?

— Не брать всё на себя.

Я посмотрел на него.

— Спасибо, очень вовремя.

— Я не вам. Я в целом.

— От этого ещё обиднее.

Он кивнул и ушёл.

Нормальный парень. Раздражающе нормальный.

К восьми вечера офис опустел. Это всегда самый странный момент дня. Пока вокруг люди, ты ещё играешь роль. Ходишь, говоришь, решаешь, шутишь, изображаешь уверенность. А потом дверь закрывается, кондиционер шумит, в коридоре тихо, и остаёшься только ты, кружка с холодным кофе и три десятка непрочитанных в мессенджере.

Я открыл телефон.

Лена что-то уточняет у клиента.

Артем прислал статус по лидам.

Бухгалтер напоминает про оплату.

Василич прислал фото объекта и одно сообщение:

— Решили на месте. Норм.

Вот у Василича вообще удивительный талант. Он пишет так, будто мир устроен просто. Решили. Норм. Всё. Ни совещания, ни пяти согласований, ни переживаний на два абзаца. Иногда я ему завидую почти физически.

Я открыл одну смету. Потом вторую. Потом отвлёкся на звонок. Потом вернулся к первой и уже не помнил, открывали её вообще.

Вот так и проходит значительная часть взрослой управленческой жизни: ты вроде всё время при деле, а если вечером спросить, что именно сделал, ответ будет звучать так, будто ты целый день подбирал рассыпавшиеся спички.

Телефон зазвонил. Катя.

Я уже знал этот разговор заранее.

— Да.

— Ты скоро?

Я посмотрел на время. 21:47.

— Да, выезжаю почти.

— То есть ещё нет.

— Ну... заканчиваю.

Пауза.

— Я уже не жду тебя к ужину. Просто оставляю тарелку.

Не упрёк. Просто факт. Это хуже упрёка.

— Много было, — сказал я.

— Всегда много.

И всё.

Без крика. Без «тебе семья не нужна». Без тяжёлых пауз из сериалов. Просто две короткие фразы, после которых сидишь и понимаешь, что дома под твою вечную занятость уже не спорят — под неё просто подстроились.

Я положил телефон на стол и посмотрел в тёмное окно. В стекле отражался какой-то мужик под сорок, который вроде бы сам когда-то мечтал о своём деле. Свой график. Свобода. Команда. Нормальные деньги. Не зависеть ни от кого.

Свобода, конечно.

Если это свобода, то почему я в десятом часу вечера сижу над сметами и думаю не о росте, а о том, кому ещё сегодня не ответил?

Я закрыл ноутбук. Потом сразу открыл снова — проверить одну цифру. Проверил. Закрыл. Взял телефон. Открыл чат с Леной. Закрыл. Написал поставщику, что оплата будет утром. Снова всё закрыл.

До дома доехал почти в тишине. Радио что-то бубнило, машины ползли, город стоял в своих вечерних пробках, и я почему-то поймал себя на мысли, что они хотя бы честные.

Пробка не обещает тебе, что сейчас поедет. Она просто есть. Ты в ней стоишь и знаешь, где проблема.

А у меня проблема вроде тоже очевидная, но почему-то каждый день делаю вид, что это временно. Что вот сейчас разгребу и станет легче. Что вот этот месяц просто тяжёлый. Что вот ещё пара объектов закроется. Что вот после майских, после сезона, после отпусков, после чего-нибудь обязательно начнётся нормальная жизнь.

Иногда взрослый человек отличается от наивного только тем, что умеет красивее называть собственный тупик.

Дома на кухне действительно стояла тарелка. Накрытая другой тарелкой, чтобы не остыло окончательно. Я ел один, стоя у стола, и это был тот редкий момент, когда даже телефон молчал. Не потому что проблемы закончились. Просто они тоже иногда спят.

Когда я зашёл в спальню, Катя не спала.

— Поел? — спросила она в темноте.

— Да.

— Горячее было?

— Терпимо.

— Это у нас уже новый семейный стандарт? «Терпимо»?

Я лёг рядом и выдохнул.

— Кать.

— М?

— А если я ничего не успеваю, это потому что работы много или потому что я идиот?

Она тихо усмехнулась.

— Наконец-то интересный вопрос.

— Спасибо.

Катя повернулась ко мне.

— Работы у тебя много. Но ещё ты почему-то считаешь, что всё важное должен проверить сам.

— Потому что если не проверю я, потом разгребать мне.

— А если будешь проверять всё сам, разгребать тебе уже сейчас.

— Тоже верно.

— Ты устал, Серёж.

— Я не устал.

— Вот это и пугает.

Мы замолчали.

Я смотрел в потолок. Внутри медленно крутились куски дня: звонки, сметы, Лена, которая тащит на себе полгорода, Артём с его спокойной рожей, Василич со своим «ты директор или корректор», клиенты, которые хотят «на минутку», и Катя, которая уже не ждёт меня к ужину, а просто оставляет тарелку.

А потом почему-то всплыл Димон.

Совершенно ровным голосом. Между солянкой и разговором про бензин.

Я сметы уже сам не проверяю. Скучно.

А кто проверяет?

Ну, не человек.

Я ещё раз прокрутил это в голове.

Не человек.

Что это вообще значит?

Программа? Сервис? Какая-то новая ерунда, про которую все уже говорят с одинаковыми лицами людей, будто им открыли тайну мироздания, а тебе нет? Или не ерунда? Или Димон просто вбросил красивую фразу и пошёл дальше, как он любит?

Я хотел додумать мысль, но мозг уже выключался. Такое бывает, когда усталость не драматическая, а вязкая. Не когда ты падаешь, а когда тебя медленно заливает изнутри чем-то тёплым и тупым, и даже злиться лень.

Последнее, что я подумал перед сном, было очень простое:

Если сметы может проверять не человек, то чем тогда весь день занимаюсь я?

Глава 2. Блин, забыл

На следующее утро мир не стал добрее.

Я, если честно, на это и не рассчитывал. После таких вечеров человек просыпается не отдохнувшим, а просто с новым календарным числом. Организм тебе говорит: «Я бы ещё полежал», а телефон — «даже не начинай».

В 8:06 мне написала Лена:

— Сергей Александрович, доброе утро. У нас проблема.

Вот есть сообщения, после которых кофе уже не нужен. Там сам организм вырабатывает всё необходимое.

Я даже отвечать не стал, сразу набрал.

— Что случилось?

На том конце была тишина на полсекунды. Такая тишина бывает у людей, которые уже мысленно извиняются и прикидывают, сколько раз придётся это сделать вслух.

— Я Пархоменко отправила смету, — сказала Лена. — И

там... дата прошлого года.

Я сел на край кровати.

— Насколько прошлого?

— Две тысячи двадцать пятого.

— Отлично, — сказал я. — Машина времени, а не агентство.

Катя рядом открыла один глаз.

— Уже кто-то умер? — спросила она.

— Пока только репутация, — сказал я и встал.

Лена на том конце вздохнула.

— Он написал.

— Что именно?

— Сейчас, секунду... — послышалось шуршание, потом она прочитала с той самой интонацией, которой люди читают сообщения, от которых хочется слегка удариться лбом об

стол. — «Доброе утро. Не очень понял, почему в смете стоит прошлогодняя дата. Остальные данные у вас тоже старые?»

Я зажмурился.

Вот в таких сообщениях нет ни мата, ни капслока, ни угроз. И именно поэтому они хуже. Когда человек орёт — он хотя бы горячий. А когда пишет вежливо и холодно, значит, уже начал складывать тебя в папку «сомнительные».

— Ладно, — сказал я. — Не паникуй. Источник у тебя?

— Да.

— Ничего больше не отвечай. Я сейчас доеду.

— Сергей Александрович...

— Что?

— Я же проверила.

И вот тут я услышал не ошибку. Я услышал человека, который сам себе уже второй раз это сказал и сам себе не поверил.

— Лен, — сказал я. — Я знаю. Сейчас разберёмся.

Катя уже сидела на кровати и смотрела на меня.

— Что на этот раз?

— Прошлогодняя дата в смете.

— Это страшно?

— Само по себе — нет. Но клиент теперь будет читать всё остальное как прокурор.

Она кивнула.

— Ты злишься на Лену?

Я натягивал джинсы и сначала хотел ответить автоматически. Что да, косяк есть косяк, надо внимательнее, люди деньги платят, всё серьёзно. Но правда была не в этом.

— Нет, — сказал я. — Меня бесит, что у нас всё устроено так, что одна цифра в шапке превращается в отдельную драму на утро.

Катя посмотрела внимательно.

— Это уже похоже на мысль.

— Да, — сказал я. — Жаль, что не полезную.

В офис я приехал злой, как человек, который ещё даже не успел начать день, а уже исправляет вчерашнюю жизнь.

Лена сидела за столом очень прямо. Это у неё всегда плохой знак. Когда Лена спокойна — она двигается, пишет, звонит, машет рукой, поворачивается сразу к трём людям. Когда сидит прямо и тихо, значит, внутри уже идёт самосуд.

— Доброе утро, — сказала она.

— Оно у нас, как обычно, условно доброе.

Она виновато улыбнулась и протянула распечатку.

— Вот.

Я взял смету. И почти сразу увидел это дурацкое «2025».

Причём не просто увидел — узнал. Шаблон старый. Одна из тех заготовок, которые живут в папках дольше, чем некоторые сотрудники на рынке труда. Их никто специально не

хранит. Они просто размножаются. «Смета финал», «Смета финал новая», «Смета точно финал», «Смета клиенту», «Смета клиенту исправленная 3». В какой-то момент уже не ты управляешь документами, а они тобой.

— Откуда взяла файл? — спросил я.

— Из папки по Пархоменко.

— Именно этот?

— Нет... там было два похожих. Я открыла последний. Точнее, я думала, что последний.

Я кивнул.

Конечно. Всё как всегда. Не роковая глупость. Не саботаж. Обычная рабочая каша, в которой у каждого файла лицо одинаковое, а виноватым в итоге выглядит человек.

— Покажи переписку, — сказал я.

Она развернула монитор. Пархоменко написал в 7:41. Холодно, аккуратно, без эмоций. Это я уже слышал, но глазами ещё неприятнее.

Я сел рядом.

— Так. Смотри. Сейчас делаем новую версию, пишем коротко, по делу. Без трагедии, без романа на тему «простите нас, мы недостойны». Просто: обновили документ, благодарим за внимательность, остальные данные актуальны, готовы ответить на вопросы.

— Я могу сама отправить, — быстро сказала Лена.

— Можешь. Но сначала я посмотрю.

Она опустила глаза.

— Я же говорю, я проверяла.

— Лена, — сказал я уже мягче. — Это не про тебя.

Она подняла голову.

— А про что?

Я хотел ответить сразу, но поймал себя на том, что ответа у меня внятного нет. Не в смысле красивого. В смысле честного.

Про что это?

Про усталость? Да, но не только.

Про невнимательность? Тоже да, но это слово ничего не объясняет. «Невнимательность» — очень удобный ярлык. Им можно назвать всё что угодно и ничего не менять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.